

«...Этот свет — одна из картин Биргера. Его живопись создавала, а не воспроизводила реальность. Реальность создал падающий на все свет. Откуда у него этот свет?»

Генрих БЕЛЛЬ.

Мы сидим за столом в квартире Бориса Георгиевича Биргера. Гостеприимный хозяин предлагает чай и, поймав взгляд, которым мы окинули голые стены комнаты, замечает:

— Все на выставке... Немного неуютно, правда?

— **Непривычно... Но зато ваши картины смотрят сотни людей. Что вы чувствуете сегодня, после 25 лет изоляции?**

— Должен сказать, что в изоляции я себя никогда не чувствовал. Изоляция — вещь очень относительная. Да, дежурили машины около подъезда со странными «дядами», проверяли паспорт, когда я навещал больную Елену Георгиевну Боннер... Но в общем, это была нормальная советская жизнь. Напротив, я оказался среди немногих, которые не были «в изоляции». Ну кому было лучше — нам, когда на мой день рождения собирались 60 друзей, или тем, кто нас стерег около дома?

Я даже думаю, что художнику иногда полезно пожить вдаль от ежедневной суеты, от необходимости самоутверждаться на выставках. Выставки нужны молодым. Печален опыт художника, когда он пишет дома и несколько поклонников считают его гением. На выставке среди таких же молодых гениев он вдруг понимает, что «гениев» много, а хороших художников мало.

— **У вас никогда не возникало чувство страха, что жизнь уходит, а вас никто не знает, что вы работаете напрасно?**

— Есть чувство естественной опасности, страха смерти, которое присуще любому живому существу. А есть страх, свойственный только людям, — это страх перед началом. Я знаю, что такое страх смерти, как солдат, прошедший войну. Но, видимо, у меня полностью атрофирован страх перед началом. У меня были неприятные минуты, когда милиция приходила в мастерскую, возникало чувство бешенства, когда угрожало моей же-

Недавно у московского живописца Бориса Биргера состоялись две премьеры: в театре «Современник» вышла пьеса В. Войновича и Г. Горина «Кот домашний, средней пушистости» с его декорациями, а в Центральном доме художника проходила его первая в нашей стране персональная выставка.

Биргер разделил судьбу многих художников, которые после печально известной выставки 1962 года в московском Манеже на десятилетия стали изгоями в своем Отечестве.

Персональные выставки Биргера в ФРГ и Великобритании, издания альбомов в США и ФРГ принесли ему мировую известность.

Моск. новости — 1990. — 28 авг./04. — с. 14

«МОСКОВСКИЙ ВОЗДУХ» БОРИСА БИРГЕРА

не... Но ведь это мелочи по сравнению с тем, как мы жили, работали... Мне никогда не хотелось, чтобы меня признали миллионы. Мне было всегда приятно, что мои картины ценили близкие мне люди. У Баратынского замечательно сказано: «Не вечный для времени, я вечен для себя».

Что я могу еще добавить? И потом выставки — изобретение XVIII века. До этого художники жили без выставок и творили совсем неплохо.

— **Есть ли разница в вашем восприятии собственных выставок за рубежом и первой персональной экспозиции на Родине?**

— Пожалуй, нет. Когда я впервые пришел на свою выставку в музей Бохума в Германии, где было собрано 70 моих картин и более полсотни рисунков, первое чувство — удивление. Откуда все это здесь? Я часто дарил друзьям работы, папка с рисунками лежала на столе, и гости могли унести на память то, что им понравилось... Но так много... Вторым чувством было беспокойство — я понял, что половину работ с удовольствием бы переписал. Конечно, было приятно, что на выставке много народу, что ее несколько раз показывали по телевидению, что была большая пресса. И сейчас я буду рад, если московская выставка понравится зрителям. Ведь каждая картина — несколько месяцев жизни. А к публике я отношусь одинаково. Люди везде люди...

— **Вы как-то говорили, что вам очень важно написать московский воздух, этих людей, эту жизнь. И ваши работы в Москве, наверное, выглядят совсем иначе, чем в Лондоне или в Нью-Йорке.**

— Если говорить о свете, то в Бохумском музее он был гораздо лучше, чем искусственный свет на Крымской набережной. Мои картины написаны при дневном свете и рассчитаны на него. Ну а если серьезно, то «московский воздух» действительно существует. Его не напишешь средствами западных мастеров. Это иное представление о жизни. Это отзвук судьбы художника России. Ощущение занесенного кнута. Этот «кнут» в разные времена называют по-разному: тайная канцелярия, III отделение, ВЧК, НКВД, КГБ... Западные художники иногда жили в нищете, но они не ощущали страха, что их, например, могли расстрелять, а детей и жен сослать в лагерь... Я обожаю очаровательный воздух парижских мастерских, восхищаюсь импрессионистами. Но мне ближе отзвук ужаса в портретах Никитина или Матвеева.

— **Так над вами все-таки был кнут?**

— Безусловно. Я мог его не замечать, но не мог не чувствовать подсознательно.

Но нельзя путать сталинское время и то, что произошло со страной при Хрущеве и Брежнев. Люди

упали совсем низко не при Сталине, а гораздо позже, когда предательству уже не было ни оправдания, ни снисхождения, ни прощения...

Но сегодня, мне кажется, надо говорить о другом: как всем нам дальше жить, как избавиться от невежества и нетерпимости. Ведь, к примеру, идеи общества «Память» привлекают людей из-за фантастического бескультурья. Я прочел стенограмму пленума российских писателей и поразился, что цвет нашей литературы говорит на языке героев Зошенко 20-х годов, на языке булгаковского Шарикова... Люди перестали понимать друг друга, язык перестал быть средством общения.

Возьмите живопись и вкусы публики. На Глазунова и Шилова — огромные очереди, а на выставке Моранди, замечательного художника XX века, — пустые залы. Я понимаю растерянность нашей молодежи. К нам хлынула информация, появились журналы, репродукции работ современных западных мастеров. Но очень сложно разобратся в этом потоке, потому что большинство не имеет никакого специального образования. В стране разорвана связь времен. Понадобится много сил и времени, чтобы соединить культуру прошлого с настоящими и будущими.

— **Но картины молодых сейчас успешно продаются за границу. Там тоже испорченный вкус?**

— Во-первых, за границей поку-

пают уже не все подряд. Тот интерес, который был связан с открытием искусства, в основном авангардистского, нашей «неизвестной» страны, постепенно падает. Перестройка в СССР взволновала весь мир — отсюда естественное влечение ко всему советскому. Чтобы серьезно говорить о «колоссальном» успехе наших художников за рубежом, надо хорошо представлять себе тот рынок искусства. На Западе есть галереи, куда попасть очень непросто. А есть множество салонов, маленьких залов, где продают произведения так называемой «массовой культуры», на которые всегда спрос.

— **Вам когда-нибудь хотелось уехать и работать на Западе?**

— Никогда. Даже в самые тяжелые минуты. Моя родина — Москва. Здесь мои друзья. Когда у меня на холсте Окуджавы, Даниэля, Сарнов, Непомнящий, Копелев, Войнович, Чухонцев, Искандер, Денисов — они не просто вписаны в картину по типу «групповой портрет писателей». Это круг близких мне людей. Я написал портрет Андрея Сахарова не потому, что это был «великий Сахаров», а потому, что я его люблю и уважаю. И теперь, когда Андрея Дмитриевича не стало, только теперь мы сможем осознать его место в жизни и в истории нашей страны. Для меня он всегда был олицетворением совести народа.

— **Позвольте адресовать вам вопрос Генриха Белля: «Откуда у вас этот свет?».**

— Мне всегда с детства хотелось писать свет — свечи, настольной лампы, солнечный свет из окна... Помню, как в 12 лет я бегал в Музей новой западной живописи копировать Клода Моне. Моими богами были импрессионисты. Позже — Левитан, который и сейчас остается любимым художником. Когда вы смотрите на «Поле красных маков» Клода Моне, на «После дождя» Ван Гога, на «Вечерний звон» Левитана, на портреты Рокотова — картина вас втягивает, вы не в силах оторваться... В ней есть неповторимая душа — внутренний мир художника, его биография.

**Елена ЕРМАКОВА,
Борис ШУМЯЦКИЙ.**